

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Я. Я. РОГИНСКИЙ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДЕ ОТ НЕАНДЕРТАЛЬЦА К ЧЕЛОВЕКУ СОВРЕМЕННОГО ТИПА

(Ответ нашему критику)

В открытой статье М. С. Плисецкого на страницах журнала дискуссии о неандертальских погребениях одним из центральных является вопрос о соотношении человека неандертальского типа и современного человека. В конечном счете вопрос о неандертальских погребениях является частным вопросом этой более широкой проблемы.

Касаясь упомянутой дискуссии, мы ограничиваемся рассмотрением некоторых появившихся в недавнее время в археологической литературе высказываний, принадлежащих одному из наших крупных археологов А. Я. Брюсову.

А. Я. Брюсов в рецензии на книгу «Происхождение человека и древнее расселение человечества»¹ высказал свои соображения по поводу гипотезы о двух качественных скачках в развитии человека. Некоторые замечания по вопросам, тесно связанным с этой гипотезой, А. Я. Брюсов сделал в том же номере «Вестника древней истории», в рецензии на учебник истории древнего мира под редакцией В. П. Дьякова и Н. М. Никольского². А. Я. Брюсов резко критикует положения В. П. Якимова, В. В. Буцака и Я. Я. Рогинского о качественных отличиях в общественной жизни, в речи и мышлении между современным человеком, с одной стороны, и его предшественниками (питекантропом, синантропом, неандертальцем) — с другой³.

А. Я. Брюсов категорически возражает против применения термина «первобытное стадо» к древнейшим и древним людям. Он считает неверным принятое многими советскими антропологами положение о том, что питекантропы, синантропы и неандертальская группа являются формирующимися людьми, постепенное развитие которых привело к появлению нового вида «готового» человека — *Homo sapiens*. А. Я. Брюсов оценивает такой взгляд как ревизию марксистского положения о том, что со времени изготовления «самого грубого каменного ножа» (Энгельс) мы имеем дело уже с людьми (стр. 113). Отрицая всякое существенное качественное отличие между *Homo sapiens* и его древними предшественниками (питекантропом, синантропом, неандертальцем), А. Я. Брюсов, естественно, совершенно не принимает гипотезы о том, что речь и мышление своего полного развития достигли только у *Homo sapiens* и что в этом наиболее важное отличие последнего от древних гоминид.

¹ «Вестник древней истории», 1953, № 2, стр. 111—117.

² Там же, стр. 81—83.

³ Положение о переходе от эпохи мустье к верхнему палеолиту как о качественном повороте было сформулировано также С. П. Толстовым в статье «К вопросу о периодизации истории первобытного общества» («Советская этнография», 1946, № 1) и М. Г. Левиным в статье «Развитие советской антропологии в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» («Советская этнография», 1951, № 3).

А. Я. Брюсов сурово критикует гипотезу о наличии второго скачка в эволюции человека. «Если,— пишет он,— очистить эту гипотезу от шелухи той научной терминологии, которая, по замечанию А. Герцена, нередко затемняет смысл, то в обнаженном виде она представится как утверждение, что настоящий человек возник не с изготовлением первых орудий труда, а только в верхнем палеолите» (стр. 112).

Постараемся разобраться в этом вопросе (в дальнейшем мы для краткости будем иногда условно называть ископаемого человека современного типа кроманьонцем).

1. Одно из основных положений А. Я. Брюсова гласит: «Никакого качественного скачка в общественном развитии человека на грани между нижним и верхним палеолитом вводить не следует, что не исключает возможности значительного изменения в физическом строении человека» (стр. 113). Это утверждение неправильно.

О каком значительном изменении в физическом строении человека идет речь? Всякий, кто знаком с фактами антропологии, знает, что между *Homo sapiens* и неандертальцем, а тем более синантропом, различия в строении столь велики, что необходимо говорить о совершенно разных уровнях эволюционного развития этих форм. *Homo sapiens* отличается десятками признаков от древнейших людей, еще сохраняющих, в отличие от него, глубокие и резкие черты сходства с обезьяной в строении черепа, нижней челюсти и мозга. А. Я. Брюсова, очевидно, нужно понять таким образом, что этот процесс глубоких эволюционных превращений был совершенно автономным от общественного развития. Разным ступеням развития физической природы соответствовал, по А. Я. Брюсову, один уровень развития сознания, одинаковое качество сознания. Иную точку зрения А. Я. Брюсов считает ревизией марксистского учения об антропологии. Поскольку речь идет о таком серьезном обвинении, мы считаем необходимым привести некоторые высказывания классиков марксизма по данному вопросу. Таким путем можно наиболее наглядно показать, насколько несправедливо это обвинение в ревизии марксизма. В. И. Ленин, критикуя Авенариуса, присоединяется к мысли Энгельса о том, что «наше сознание и мышление, как бы ни казались они сверхчувственными, являются продуктом (*Erzeugnis*) вещественного, телесного органа, мозга»⁴. И. В. Сталин указывал, что «мышление есть продукт материи, достигшей в своём развитии высокой степени совершенства, а именно — продукт мозга, а мозг — орган мышления»⁵, что «нельзя поэтому отделять мышление от материи, не желая впасть в грубую ошибку»⁶. В работе «Анархизм или социализм?» И. В. Сталин писал: «Выходит, что для развития сознания необходимо то или иное строение организма и развитие его нервной системы»⁷.

В согласии с этими основными положениями материалистической философии невозможно допустить, чтобы у синантропа и неандертальца с их плохо развитой лобной, височной и теменной долями мозга был тот же уровень развития сознания, то же качество сознания, что и у человека современного типа. Совершенно очевидно, что А. Я. Брюсов неправ в этом вопросе.

2. Если согласиться с А. Я. Брюсовым, что никакого существенного изменения в общественной жизни, в развитии речи и мышления в период от питекантропа до кроманьонца не произошло, то возникает вопрос: вследствие каких же причин произошли столь глубокие изменения в физическом строении человека, что привело к подъему его биологической организации на новый уровень? Энгельс дает ясный ответ на вопрос о

⁴ См. В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 75.

⁵ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 581.

⁶ Там же.

⁷ И. Сталин, Соч., т. 1, стр. 313.

движущих силах превращения обезьяны в человека: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг»⁸. Таким образом, если признать, что коллективная трудовая деятельность и речь существенно развивались в четвертичное время, то понятно, в силу чего столь резко изменялась и природа формирующихся людей. Если же, как полагает А. Я. Брюсов, значительные изменения в физическом строении человека могли осуществиться без глубокой перемены в общественном развитии, а значит и в труде, то спрашивается, под влиянием каких же причин они произошли?

3. А. Я. Брюсов не считает доказанным, что термин «первобытное стадо» Ленин прилагал к людям (стр. 82). Однако есть все основания думать, что Ленин, употребляя этот термин, имел в виду не животных, а людей. Да и как иначе мог Ленин представлять себе форму общественной жизни древнейших людей, если он следовал Марксу и Энгельсу? Энгельс писал П. Л. Лаврову (12—17 ноября 1875 г.): «Первые люди, вероятно, жили стадами, и, поскольку наш взгляд может проникнуть в глубь веков, мы находим, что так это и было»⁹. Это выражение — «стадо» у Энгельса не случайно, а находится в полном соответствии с его представлениями о древнейших людях. Вот что он писал о них: «Какими люди первоначально выделились из животного (в более узком смысле слова) царства, такими они и вступили в историю: еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознавшие еще своих собственных сил; поэтому они были бедны, как животные, и не намного выше их по своей производительности»¹⁰.

А вот что сказано по этому вопросу в «Немецкой идеологии»: «...начало осознания того, что человек вообще живет в обществе..., носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это — чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же, что его инстинкт осознан. Это баранье, или племенное, сознание получает свое дальнейшее развитие благодаря увеличению производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения»¹¹.

Таким образом, классики марксизма говорят о «стадном сознании» не животных, а людей, существ, обладающих общественной жизнью и некоторым (весьма низким) уровнем развития производительных сил. Мнение А. Я. Брюсова о том, что Ленин мог употреблять термин «первобытное стадо» применительно не к древнейшим людям, а к животным, — не обосновано.

4. Допустим на минуту, что А. Я. Брюсов прав, что членораздельная речь, мышление и общественное развитие у питекантропа и синантропа уже стояли на том же примерно уровне, что и у современного человека. Но ведь очевидно, что членораздельная речь, мышление и общество не возникли сразу в готовом виде. О том, что они не могли явиться сразу, говорят многие указания классиков марксизма. У кого же речь, мышление и общество были в состоянии не вполне развитом? Очевидно, по А. Я. Брюсову, у предшественников питекантропа, т. е. у существ, которые еще не производили орудий, т. е. у животных. Что же это за удивительные животные с неразвитой еще полностью, но все-таки членораздельной речью и мышлением и живущие в формирующемся обществе и притом не приступившие к изготовлению орудий? Получается своеобразный вариант теории о возникновении речи, мышления и общества до

⁸ Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, Госполитиздат, 1952, стр. 8.

⁹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», Госполитиздат, 1951, стр. 215.

¹⁰ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1952, стр. 167.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 21.

начала трудовой деятельности. Как совместить этот вывод с теорией о происхождении речи в процессе труда?

Значит, А. Я. Брюсов неправильно обвиняет в ревизии марксизма тех, кто приписывает именно древнейшим людям, а не животным, не вполне развитую речь и не вполне развитое мышление.

5. В чем следует видеть качественные отличия общественной жизни позднепалеолитического и раннепалеолитического человека? Каково конкретное различие между коллективной жизнью «кроманьонца», с одной стороны, и синантропа и неандертальца, — с другой?

Автору этих строк приходилось не раз ссылаться на целый ряд археологических материалов, позволяющих ответить на этот вопрос. Не буду поэтому задерживать здесь внимание читателя. Отвечу лишь на одно замечание А. Я. Брюсова, в котором он указывает, что в области развития производительных сил и производственных отношений различия между неолитом и поздним палеолитом не меньше, чем между поздним и ранним палеолитом.

Если бы даже А. Я. Брюсов был прав в этом отношении (с чем, впрочем, не согласились бы некоторые археологи), то и в таком случае его выводы о периодизации истории первобытного общества и о процессе антропогенеза оставались бы глубоко ошибочными. Поздний палеолит принадлежит эпохе сложившегося первобытно-общинного строя. Ранний палеолит — это пора зарождения и формирования первобытно-общинного строя; ранний палеолит вместе с тем — это эпоха становления человеческого общества вообще. Вследствие этого различия между ранним и поздним палеолитом имеют принципиально иное содержание, чем все последующие различия как в пределах разных социально-экономических формаций, так и между этими формациями. Дело в том, что как бы ни были малы по своему внешнему эффекту изменения производительных сил и производственных отношений в период от питекантропа до кроманьонца, — они в целом были неразрывно связаны с ходом формирования самого человека, с процессом человеческой эволюции; все же последующие изменения в истории общества никакого отношения к биологическим закономерностям не имели. Вот отчего подлинно человеческая история со всем колоссальным ростом производительных сил в течение этой истории начинается с появлением *Homo sapiens*. Если допустить, что отсутствие или наличие связи общественного развития с филогенией, с эволюцией человека — вещь несущественная, то трудно будет серьезно возражать социал-дарвинистам и расистам, которые переносят биологию в историю и тем самым искажают понимание исторического процесса. С их точки зрения между коллективами питекантропов и современными коллективами нет принципиальных различий — и тут и там, по их мнению, шла и продолжает идти эволюция, т. е. высшие биологические типы сменяли и ныне сменяют собой низшие. Это положение, конечно, абсолютно ложно.

До наступления позднего палеолита подъем на новый филогенетический уровень физической организации был действительно важнейшим условием дальнейшего развития техники и общественной жизни человека. После же наступления позднего палеолита и по сей день смена одной формации другой шла и идет без всяких эволюционных изменений строения человеческого тела. Тип *Homo sapiens* в своих основных видовых признаках остался неизменным от позднего палеолита до наших дней. Для перехода любого современного народа на высший уровень технического развития нет ни малейшей необходимости в изменении структуры его черепа, его нижней челюсти, его мозга. Поэтому весьма существенно (для нас, советских антропологов, в особенности) не проглядеть демаркационную линию между ранним и поздним палеолитом.

6. Можно ли определить, в чем состояли физиологические изменения в организме у кроманьонца по сравнению с неандертальцем, что отличало

процессы высшей нервной деятельности того и другого? Ответ может быть, конечно, дан только в самой предварительной и чисто гипотетической форме. Возможно, что «следы представления», еще очень слабые у антропоморфной обезьяны (обезьяна, по мнению И. П. Павлова, из-за слабости следов не может связать по следу два раздражителя), еще не достигли, например, у синантропа и у неандертальца той силы, которая характерна для *Homo sapiens*. Большое (дальнейшее) развитие второй сигнальной системы весьма увеличивало силу следов внешних раздражений, так как возникала широкая возможность связывать эти следы с кинестетическими и слуховыми раздражениями, идущими от речевого аппарата. Чем отличалась речь кроманьонца от речи неандертальца? Может быть, наличием грамматики, а может быть, более высоким уровнем ее развития. Так или иначе, речь его была более совершенной. На основе усилившейся (благодаря речи) способности «связывать по следу несколько раздражителей» огромный шаг вперед делает сознание.

Опираясь на обобщения, сделанные в работе советских физиологов и психологов, в особенности Н. Н. Ладыгиной-Котс, изучавших поведение шимпанзе, можно построить следующую предварительную гипотезу.

Человеческое сознание есть сознание «предметное», при котором предметы раскрываются в своем объективном содержании, независимо от данного переживания, от данного мгновения. На ступени *Homo sapiens* возникает новый уровень «предметности» сознания. Резко усиливается способность свободно и всесторонне оперировать понятиями, что ведет к глубокой перестройке работы сознания. В чем это выражалось?

У неандертальца в его сознании, несомненно, были уже устойчивые образы животных, служивших объектами его охоты. Кроманьонец пошел дальше. Он уже был способен эти сложные образы соединить с движениями своей руки, воспроизвести их типические черты в некотором внешнем выражении, превратить их в материальные предметы (живопись, графика).

У неандертальца были элементарные знания о связи формы орудия с его назначением. У кроманьонца получают свое предметное воплощение такие сложные абстракции, как дальние ценные связи, например: а) связь во времени средства, становящегося целью, с целью, предназначенной в свою очередь стать средством (выделка инструмента, который должен послужить для последующей выделки другого инструмента, необходимого для изготовления орудия и т. д.), б) пространственная связь частей в структуре целого (прочные составные орудия).

У неандертальца было смутное представление о характере своего места в коллективе. У кроманьонца в сознании начинает отчетливо выделяться среди множества различных предметов особый предмет — свое «я» и отношение своего «я» к совокупности других членов коллектива и к определенным возрастным, половым подразделениям коллектива (в изображениях бытовых и ритуальных сцен позднего палеолита, в характере погребений, в типе жилища можно видеть признаки полного осознания родовой связи). Указанные свойства *Homo sapiens* были неразрывно связаны с более совершенным строением его мозга.

Все это, конечно, только гипотетическая схема. Весьма возможно, что можно было бы предложить другую, более удачную. Но так или иначе, надо строго отличать достижения человека, которые требовали перестройки его анатомии и физиологии, от достижений чисто исторических.

7. А. Я. Брюсов неоднократно подчеркивает, что критикуемые им авторы будто бы утверждают, что оба качественных скачка (от животного к древнейшему человеку и от неандертальца к *Homo sapiens*) равнозначны. Однако и это мнение А. Я. Брюсова также не соответствует действительности.

Так, в работе В. П. Якимова, одного из авторов упомянутого сборника, мы находим следующую формулировку: «После величайшего собы-

тия в истории развития природы — появления искусственно изготовленных орудий труда, определившего возникновение самого человека, второй «перерыв постепенности» в развитии материальной культуры как раз совпадает с моментом перехода от неандертальцев к *Homo sapiens*¹². В. П. Якимов нигде не говорит о том, что «второй скачок» был величайшим событием в истории природы. Это толкование вложено в гипотезу В. П. Якимова А. Я. Брюсовым.

У другого участника сборника, автора этих строк, сказано с полной ясностью: «Первый и наиболее важный поворот соответствует переходу от стадии предшественника людей, т. е. «австралопитека» к стадии «питекантропа». Второй проходит между неандертальцем и кроманьонцем. Оба эти поворота связаны один с другим в том смысле, что второй, в конечном итоге, явился неизбежным следствием первого»¹³.

Если может возникнуть вопрос, почему же Я. Я. Рогинский гораздо подробнее остановился на втором, чем на первом, более важном повороте, то ответ на это весьма прост: 1) первый поворот подробнее разобран и освещен в литературе, 2) тема критикуемой работы обозначена в ее заголовке «Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека». Естественно, что автор писал на ту тему, которую он себе избрал.

8. Общество неандертальцев это заключительный этап в развитии первобытного стада, этап, который, может быть, заслуживает особого названия. Мотивом для такой замены могут послужить бесспорные отличия неандертальцев от питекантропов как в строении тела, так и в развитии их культуры; не следует забывать, что в недрах неандертальских групп возникли и человек современного типа и общество позднего палеолита. При этом, однако, полностью сохраняет силу положение, что и «первобытное стадо» (синантропов и питекантропов) — отнюдь не стадо животных. Первобытное стадо — это термин, служащий для обозначения общественных объединений у древнейших гоминид, но, к сожалению, дающий повод для только что указанного недоразумения.

Вопрос о термине не является, конечно, главным. Важнее решить другой, основной, вопрос: возникли ли у ныне живущего, у сформировавшегося человека вместе с усилением «человеческих» черт в строении его тела (по сравнению с древнейшими и древними людьми, т. е. питекантропами, синантропами и неандертальцами) какие-то существенно новые свойства его труда, его речи, его сознания? Мы полагаем, что такие свойства возникли. А. Я. Брюсов, если мы его правильно поняли, думает, что нет и что методологически неправильно даже ставить вопрос об их возникновении. Мы, наоборот, полагаем, что необходимые дальнейшие всесторонние исследования о качественных отличиях человека современного типа от его предшественников. Наш интерес к этим различиям не уменьшается, а, наоборот, усиливается тем обстоятельством, что синантропы и неандертальцы — люди, т. е. существа, жившие в обществе и производившие орудия труда.

9. В заключение коснемся вопроса о том, совместимо ли представление о качественном «скачке» в формировании человека с признанием факта постепенности изменений его морфологического типа. Автору приходилось слышать мнение некоторых археологов о том, что наличие переходных форм в строении тела между неандертальцем и *Homo sapiens*¹⁴ опровергает гипотезу о качественных отличиях поведения между

¹² В. П. Якимов, Ранние стадии антропогенеза, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XVI, М., 1951, стр. 52.

¹³ Я. Я. Рогинский, Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», стр. 194.

¹⁴ Новая находка позднемустьерского ребенка в пещере Староселье еще увеличивает число переходных звеньев такого рода.

неандертальским и современным человеком. Автор не может согласиться с таким возражением. Нет ничего невозможного в том, что в ходе постепенного накопления некоторых структурных особенностей головного мозга формирующихся людей в известный момент наступил более или менее отчетливый поворот в проявлении новых свойств их высшей нервной деятельности. Этот поворот мог осуществиться в полной мере не сразу, а уже после того, как сложились морфологические черты нового человека. Если отрицать возможность появления в эволюции человека нового качества на основании находок переходного типа, то придется ведь также отрицать всякий «скачок» в развитии и при переходе от животных к древнейшим людям. В самом деле, разве южноафриканские австралопитеки (плезиантропы, парантропы, австралопитек прометей), телантроп и яванский питекантроп IV не представляют собой в морфологическом отношении ряд промежуточных звеньев между синантропом и его плиоценовыми предками? А ведь археологи этого скачка не отрицают, в чем они, конечно, несколько не ошибаются. Но в таком случае нет никаких оснований отрицать и возможность второго поворотного момента в истории формирования человека.

Выводы:

1) приведенные выше утверждения А. Я. Брюсова основаны на недооценке им фактов антропологии и на неправильном истолковании высказываний классиков марксизма об эволюции человека;

2) эти утверждения А. Я. Брюсова ведут к ложному представлению о полной независимости развития физического типа человека от развития труда и общества;

3) авторы критикуемых А. Я. Брюсовым работ не имеют оснований отказываться от высказанных ими положений о происхождении человека современного вида.